
ЯЗЫКОВЫЕ ЕДИНИЦЫ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «КОСТЮМ» В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОМАНА А.Н. ТОЛСТОГО «ПЕТР I»

Н.В. Милова

Кафедра функциональной лингвистики
Институт языка и литературы ПГУ им. Т. Г. Шевченко
ул. 25 Октября, 128, Тирасполь, 3300-МД, Приднестровье

Автор статьи рассматривает проблему системной организации лексики в пределах семантического поля «костюм». Выясняется, что значение каждого конкретного элемента поля, как правило, реализуется в рамках социальности. Переплетение с другими системами культуры и семантическими полями расширяет поле костюма, что оказывает влияние на значение каждого слова; семантическое поле «костюм» предстает как сеть связей значений внутри слова и между словами.

Изучение языка как системы систем предполагает не только анализ материальных единиц, их отношений и связей, но и их синтез, позволяющий с большей полнотой и точностью вскрыть сущность языка, причины и закономерности его развития. Такое диалектическое понимание языка и лексико-семантической системы как его составляющей позволяет приблизиться к выявлению многообразных связей и отношений единиц.

Современные исследования в области лексикологии и лексикографии, продолжившие теоретические положения Г. Ипсена, В. Порцига, Й. Трира; Н.В. Крушевского, М.М. Покровского и др., убедительно свидетельствуют о продуктивности системного подхода к изучению лексики: в работах В.П. Абрамова, Р.А. Будагова, Л.М. Васильева, В.Г. Гака, Ю.Н. Караулова, Э.В. Кузнецовой, Л.А. Новикова, А.А. Уфимцевой, Н.Ю. Шведовой, Д.Н. Шмелева, Г.С. Щура предлагаются различные интерпретации значительных фрагментов лексических объединений. При анализе лексического материала парадигматические отношения понимаются как отношения единиц, заменяющих друг друга в одной и той же позиции на основании свойств противопоставленности/взаимосвязанности. Системная организация лексики проявляется в том, что значение слова в лексико-семантических группах оказывает влияние на значение каждого слова; в них система предстает как сеть связей значений внутри слова и между словами. Лексико-семантический уровень аккумулирует и закрепляет итоги познавательной деятельности говорящего коллектива, в силу чего ярус существенно отличается от всех других уровней подвижностью, проницаемостью, открытостью.

Семантическое поле — термин, применяемый в лингвистике чаще всего для обозначения совокупности языковых единиц, объединенных каким-то общим (интегральным) семантическим признаком; иными словами — имеющих некоторый общий нетривиальный компонент значения. Первоначально в роли таких лексических единиц рассматривали единицы лексического уровня — слова; позже в лингвистических трудах появились описания семантических полей, включающих также словосочетания и предложения.

Семантическое поле «костюм» включает в себя все, что искусственно изменяет облик человека, держась на его теле. Сюда входит одежда, обувь, причёска, украшения, аксессуары.

Многообразие поля «костюм» можно сравнить с разнообразием жизненных ситуаций или человеческих характеров. Основной путь к пониманию его сути — типология, расчленение на классы, группы, виды и т.д. в различных плоскостях по отношению к человеку и среде.

В научной литературе по данному вопросу нам не встретились фундаментальные исследования. Хотя стоит отметить, что каждый автор, приступающий к изучению костюма, классифицирует его по какому-либо признаку. Большая часть литературы по костюму — исторические и этнографические исследования, следовательно, в них костюм разделяется по географическим или временным основаниям. В литературе, посвященной вопросам возникновения элементов одежды, их развитию, способам формирования имиджа обычно разделяют костюм по отношению к телу, конструкции и функциям.

По определению В.В. Давыдовой, костюм — одна из сложных систем, существующих в пространстве культуры и тесно взаимодействующая со многими ее элементами [2. С. 191].

Ни одна из вещей в культуре, пожалуй, не обладает таким многообразием функций, как костюм. Костюм — это экран, на котором проецируются все аспекты материального, духовного, социального развития общества, он непосредственно связан с человеческим образом, настроением, поведением. Первая роль костюма в культуре — это его практическая полезность. Но одновременно он становится и средством социальной организации первобытного коллектива, т.к. на первоначальную полезность накладываются ценностные смыслы. Вещь оказывается не только сама собой, но и знаком чего-то иного. Ее физическое бытие дополняется духовным.

Все многообразие предметного мира располагается в поле двух полюсов — материально-практического и художественного. В функциональной плоскости система костюма образует спектр форм, по-разному сочетающих эти два начала: от чисто практических (комбинезон) до художественных (костюмы из коллекций Кутюрье). Второе начало иногда называют знаковым или символическим, однако указанная функция костюма также полярна, ибо он может служить знаком практически (форменная одежда) и художественно (выражать идеи, настроения).

Социальные функции костюма образуют две основные ветви: функции информирования, функции формирования.

Информирование связано с тем, что костюм несет сведения о его носителе как индивиде, и как о представителе определенной социальной группы. *Формирование* указывает на индивидуальный стиль одежды (цвет, фасон, принадлежность по полу, возрасту).

Одежда различных сословий изначально определяется присущим им образом жизни, ее закрепленная форма работает как знак, указывающий на тот или иной слой общества. Часто эта функция переплетается с функцией, указыва-

ющей на статус в области человеческих отношений. И в современном мире эта функция костюма существует (например, в деловом костюме — чем тоньше полоска, тем выше статус его владельца). Зачастую разные сословия имеют различные этические, эстетические и т.п. нормы, что тоже отражается в костюме. В классовом обществе просто необходимо иметь внешние различия, устанавливающие характер общения.

Одежда различных сословий изначально определяется присущим им образом жизни, ее закрепленная форма работает как знак, указывающий на тот или иной слой общества. Ошибки здесь всегда были крайне нежелательными и могли нанести оскорбление. Люди очень трепетно относились к своему положению в обществе и всегда старались как-то подчеркнуть его в костюме. Зачастую разные сословия имеют различные этические, эстетические нормы, что тоже отражается в костюме. В классовом обществе просто необходимы внешние признаки, устанавливающие характер отношений и общения.

С самого своего появления одежда оказывается явлением социальным. Уже в самые отдаленные эпохи классовое разделение общества приводит к классовой дифференциации в одежде. Костюм определял, прежде всего, социальное положение, ранг человека. Господствующие классы создавали моду в своих интересах, подчеркивая при помощи одежды и украшений свое привилегированное положение.

Эпоха Петра I характеризуется тем, что в это время были произведены значительные изменения во внешнем облике, одежде людей, в их обычаях. Дворяне сменили старинные одежды, тяжелые, длинные и неудобные, на более простые и удобные европейские камзолы, костюмы. Сбрили бороды, курили табак. В романе отразился переходный период от старого времени к новым преобразованиям, поэтому в этом произведении представлены как герои, одетые по старому обычаю, так и герои в новых европейских костюмах. На этом принципе построен один из контрастов в романе.

Например: *«Сегодня после обедни думный дьяк Прокофий Возницын по древнему обычаю, — в русской шубе, в колпаке меховом, сафьяновых сапожках, — вышел на крыльцо»* [1. С. 450].

«Отворила женищина — рослая, круглолицая, в темном сарафане» [Там же. С. 444].

«Одет он был по-старомосковски в длинный — до полу — клюквенный просторный армяк» [Там же. С. 433].

«На нем был синий суконный кафтан с красными отворотами и медными пуговицами, огромные серебряные шпоры на ботфортах; лицо, окруженное пышным париком, припудрено, в кружевном галстуке — алмазная булавка...» [Там же. С. 159].

«Да они же, иноземцы, приучили русских людей носить испанский бархат, голландское полотно, французские шелка, ездить в каретах, сидеть на итальянских стульях» [Там же. С. 93].

Известно, что с 1701 по 1724 год появились 17 различных указов, регламентирующих правила ношения костюма европейского образца, типов тканей, отдел-

ки форменного и праздничного платья. Число именных императорских указов, постепенное ужесточение наказания за их неисполнение наглядно свидетельствует о том, что Петр I отводил костюму совершенно особую роль в системе проводимых в стране реформ.

Для проведения своей политики Петру требовались новые люди, которых он брал на царскую службу, невзирая на сословную принадлежность. Костюм же оставался точным знаком сословия, что проявлялось не только в богатстве ткани и отделки, но и в дозволенном крое, в количестве одновременно надеваемых одежд. Традиционный костюм каждой своей деталью указывал на глубокую пропасть между боярином и крестьянским сыном — разницу в сословном и имущественном положении.

Платье европейского образца «снижало» боярина и «поднимало» простолюдина не только в собственных глазах, но и в общественном сознании. Принудительно изменив форму демонстрации сословной принадлежности, Петр не ставил задачу отказаться от понятия «свой» — «чужой» (в значении национальный — ненациональный), что, в сущности, является одной из основных функций костюма.

Для представителей же низших сословий одежда иноземного образца открывала совсем новые, неожиданные возможности, так что они, не колеблясь, приняли петровские нововведения.

Так, выходец из обедневшего боярского рода, переводчик Шафиров всем своим внешним видом старается сократить разницу в сословном и имущественном положении русских и европейцев.

Например:

«Переводчик Шафиров, одетый, как и шведы, в короткий плащ, в шелковые штаны с лентами и разрезами на ляжках, громко перевел ответ посла» [Там же. С. 369].

Замена традиционной одежды сильно повлияла на всю сословную систему. Новый порядок обозначения места человека на иерархической лестнице сложился довольно скоро. Изменившийся внешний облик подразумевал определенный подбор жестов, пластики, походки. Так, оглаживать бороду при бритом подбородке стало невозможным; засовывать руки за кушак, который принято было повязать ниже талии, тоже стало затруднительным (шарфы, повязанные на талии, полагались отныне только военным).

На Руси сама по себе знатность, в отличие от европейского высшего сословия, ничего не значила без близости рода к царю, без его благоволения и подачек. Родовитые бояре готовы были терпеть всяческие унижения, в челобитных непременно называли себя холопами, подчеркивая свою зависимость от государя; однако для них было равносильно страшному оскорблению, если отведенное им место за царским столом было ниже, нежели у представителей других боярских родов. А потому кичливые бояре, еще не так давно щеголявшие в старинных кафтанах, не боялись «срамных» бритых подбородков, коротких камзолов и цветных париков — лишь бы не уступить своего места близ трона представителям других семейств.

Например: «*Василий Васильевич был без парика, но также во французском — в чулках и красных башмачках, в коротких бархатных штанах с лентами, — на животе и с боков из-под бархатной куртки выбивалось тонкое белье в кружевах*» [Там же. С. 59].

Кружева — узорное сетчатое плетение из нитей. Восточнославянское. В памятниках отмечается с XIII века в форме круживо. Образовано, вероятно, от кружити с помощью суффикса *-иво-*; изменение *и* в *е* произошло в условиях безударного положения звука в слове и закрепилось в орфографии. *Кружити* — общеславянское образование с суффиксом *-ити-* от *круг*.

Например: «*Поверх летника — широкий опаень со ста двадцатью финифтяными пуговицами, еще поверх — подволоку, сребротканую, на легком меху, мантию, тяжелую, шитую жемчугом*» [Там же. С. 101].

«*Люди, разинув рты, глядели на его парчовую шубу, — пол-Москвы можно купить за такую шубу, — глядели на самоцветные перстни на его руке — огонь брызгал от перстней*» [Там же. С. 27].

Автор использует много подробностей для описания одежды. И женский, и мужской костюмы очень нарядные, пышные, богатые. Такие определения — *бархатный, в кружевах, финифтяные, сребротканые, шитую жемчугом, парча* — указывают не только на занимаемую должность при дворе, но и на материальный достаток.

Одежда горожан и крестьян описывается не так подробно.

Например: «*Он подождал, выморкался, долго вытирал нос полою рваного зипунишки и без зова вошел в полуподвал*» [Там же. С. 172].

«*Поверх заплатаемого армяка — рогожа*» [Там же. С. 174].

«*Петр Алексеевич усмехнулся, оглянув хозяина: мало почтенен — в заячьей поношенной кацавейке...*» [Там же. С. 377].

Одежда людей из народа сопровождается ассоциативами *рваный, заплатаанный, поношенный*, нет тонких тканей, золотых отделок.

Зипун — старинная верхняя крестьянская одежда из грубого домотканного сукна в виде кафтана без воротника.

Армяк — в старину у крестьян: кафтан из толстого сукна. В старину на Руси крестьянский кафтан, неотрезной в талии, с прямой спинкой, без сбор, с рукавами, вшитыми в прямую пройму. Зимой армяк надевали на тулуп, поддевку или полушубок. В Саратовской губернии это одежда типа чапана.

Рогожа — грубая ткань редкого конопляного переплетения.

Велика заслуга А.Н. Толстого, который воссоздал не только правдивый образ Петра, но и ярко изобразил жизнь русского народа на одном из переломных этапов его исторического пути.

В украшениях и в головных уборах также существует социальная дифференциация.

Например: «*Он будто очнулся, вздохнул, выпрямился, медленно положил руку на осыпанную алмазами булаву, засунутую за тканый драгоценный пояс*» [Там же. С. 587].

«*Дева... в берестяном кокошнике, убранном голубой бусинкой на каждом зубчике*» [Там же. С. 597].

Сравните:

«*Щеки у Софьи были густо нарумянены, вся — в золотой парче, в высоком жемчужном венце*» [Там же. С. 41].

«*На иной, босой, одна посконная рубаха, а на голове — венец из бересты, в косе — ленты*» [Там же. С. 37].

У обычной девушки не *золотая парча* (плотная узорчатая шелковая ткань, вытканная серебряными, золотыми нитями), а *посконная рубаха* — рубаха из домотканного волокна, не *жемчужный*, а *берестяной венец*.

Головной убор всегда ассоциировался с головой, поэтому он обладал сильным символическим значением. В произведениях искусства головной убор мог выполнять функцию замещения головы. В романе «Петр I» А.Н. Толстой при описании героев обращает внимание читателя не только на одежду персонажей, но и на их головные уборы или их отсутствие.

Например: «*Что ж теперь делать-то? Ни шапки, ни сбруи...*» [Там же. С. 14].

Во время правления Петра Первого по головному убору можно было определить социальный статус человека, его национальность.

Например: «*Кое-где на лавках и на крылечках сидели немцы в вязаных колпаках, держали длинные трубки*» [Там же. С. 50].

«*На бате, Иване Артемьиче, — так звала его мать, а люди и сам он себя на людях — Ивашкой по прозвищу Бровкиным, — высокий колпак надвинут на сердитые брови*» [Там же. С. 5].

«*На берегу появился человек в растопыренном на боках бархатном кафтане, при шаге и в черной шляпе с завороченными с трех сторон краями, — капитан Франц Лефорт*» [Там же. С. 56].

Есть смысл разделить головные уборы по конструкции:

— кольцевые (венки, венцы, короны),

— головные уборы с дном — шапки (шляпа, берет, чепец, кепка и т.д.),

— покрывающие (платок, вуаль, фата).

Наименований головных уборов в романе А.Н. Толстого «Петр I» значительно меньше, чем наименований верхней одежды. Они встречаются в описании внешнего облика людей разного рода занятий, национальностей.

Например: «*У подметенных порогов — женичины в полотняных чепцах за домашней работой, мужики в кожаных шапках — зюйдвестках, губы бриты, борода только на шее*» [Там же. С. 244].

«*Снова увидел Алексаишу: он мчался к тому — в красном, в чалме — шииблись*» [Там же. С. 228].

«*Петр, за ним Алексаика выскочили из люка, на обоих — красные фески*» [Там же. С. 335].

Зюйдвестка — непромокаемая круглая шляпа, одеваемая моряками в непогоду. Это наименование голландского происхождения, в начале XVIII века Амстердам был центром кораблестроения и мореплавания.

Чалма (тюркское) — мужской головной убор, главным образом у народов мусульманского Востока.

Феска — шапочка в виде усеченного конуса с кисточкой, головной убор в некоторых странах Ближнего Востока.

У служителей церкви свои головные уборы. Например: «*Иоаким сел на жесткий стул с высокой спиной и низко склонился, — клобук закрыл ему лицо*» [Там же. С. 164].

«*Обречена девка, царская дочь на вечное детство, черную скуфью...*» [Там же. С. 33].

Клобук — высокий монашеский головной убор с покрывалом. Древнейшая шапка в России в виде колпака с меховой опушкой. Со временем превратилась в монашеский головной убор. Заимствование из старославянского языка: *клобукъ*, которое, в свою очередь, заимствовано из тюркского языка — *калпак* — «род головного убора». Фонетические изменения неясны.

Скуфья — остроконечная бархатная черная или фиолетовая мягкая шапочка у православного духовенства.

Дифференцируются головные уборы девушек и замужних женщин.

Например: «*...увидели деву лет шестнадцати с толстой косой, в берестяном кокошнике, убранном голубой бусинкой на каждом зубчике*» [Там же. С. 597].

«*Под рогастой кикой брови ее густо набелены — белые, веки, — сизые — росписаны до висков, щеки кругло, клюквенно нарумянены...*» [Там же. С. 97].

Кокошник — старинный русский женский головной убор, сделанный из твердого материала, обтянутый золотой тканью, расшитый жемчугом стеклярусом, лентами, аппликациями из парчи и бархата. Кокошник имел матерчатое дно, спереди и по бокам украшался поднизями и рясной. В *кокошниках* в старину ходили девушки, еще не вышедшие замуж. Этот головной убор преимущественно севернорусский, в виде разукрашенного щитка надо лбом. Собственно русское. Образовано с помощью суффикса *-ник-* от *кокошь* — ‘наседка’, засвидетельствованного в памятниках с XI века и являющегося общеславянским образованием с суффиксом *-ошь-* от *коко* (ср. общеслав. *кокоть* — ‘петух’). Название дано по внешнему сходству головного убора с гребенем курицы.

Кику надевали девушки в день свадьбы — из тульи в виде обруча, облежавшего голову кругом, и круга, помещавшегося на темени. Кверху расширялась. На висках к кике привешивались рясны, длинные нити жемчуга.

Очень часто в романе повторяются такие названия головных уборов, как *колпак* и *шапка*. К примеру, лексема *шапка* употребляется в романе 62 раза. В зависимости от контекста эти наименования несут различную смысловую нагрузку, то есть могут выступать в качестве военных головных уборов, боярских и повседневных.

Например: «*Злее всех был один, толстый, в белом атласном кафтане, в боярской шапке*» [Там же. С. 124].

Кроме того, материал, из которого сделан головной убор, также определяет положение в обществе данного персонажа.

Например: «Увидев толстую женщину в суконной шубе, в лисьей шапке **поверх платка**, Алексаика заволочил ногу, пополз к купчихе...» [Там же. С. 25].

«Мимо шел Посадский в **заячьей шапке**, пухлый мужик с маленькими глазами» [Там же. С. 14].

«Роман Борисович уже вдевал в рукава кунью шубу, с честью надвигал до бровей **бобровую шапку**» [Там же. С. 229].

Например: «Вдали, у Никольских ворот, виднелась высокая — трубой — **соболья шапка боярина, меховые колпаки дьяков...**» [Там же. С. 13].

«Алеша, держа вожжи, шел сбоку саней, где сидели трое холопов в **бу-мажных, набитых паклей, военных колпаках...**» [Там же. С. 12].

«Алеша стащил **колпак** и начал креститься на баиню» [Там же. С. 25].

«Был он в серой свитке, в **простой бараньей шапке...**» [Там же. С. 78].

В первом случае слова *соболья, меховые* подчеркивают принадлежность данных головных уборов богатым, знатным людям. Во втором примере *колпак* — конусообразный или овальный головной убор — используется в качестве военной одежды.

Шапка — древнерусское, заимствованное из ст.-франц. яз., в котором *chape* — шапка. Восходит к лат. *sarra* — род головного убора, с тем же корнем, что и *sario* — ‘схватываю’.

Колпак — конусообразный или овальный головной убор. Заимствовано из тюркского языка, в частности — старинный головной убор некоторых народов Средней Азии. Появление его в Средней Азии относится к XIII в. Шили колпаки из войлока, из четырех клиньев расширяющихся книзу. Верх украшали кисточкой. Клинья по бокам сшивали не до конца, что позволяло поднимать или опускать поля. Колпаки знати были с высокой тульей, подшитые черным бархатом, у бедных — отороченные сатином.

Теперь рассмотрим группу языковых средств, представленных наименованиями украшений. Их не очень много. Большая часть украшений сделана из ценных металлов и драгоценных камней.

Все многообразие украшений по назначению делятся на:

- платяные (броши, запонки, пряжки, застежки, булавки),
- нательные (серьги, кольцо, цепочки, кулоны, кольца, браслеты),
- украшения для волос (заколки, диадемы и т.д.).

По способу крепления мир украшений состоит из следующих подсистем: *шейные* (цепочки, кулоны, ожерелья, кольцо, ленты, подвески, бусы, медальоны); *ушные* (серьги, клипсы, пуссеты); *браслеты* (на руки и на ноги); *напальчатые* (кольца, перстни); *украшения для волос* (заколки, накладки, венки, диадемы, височные кольца, ленты и т.д.).

Например: «В круг пролез купчина, вертя пальцами в **серебряных перстнях**» [Там же. С. 23].

Перстень — кольцо с драгоценным камнем. Общеславянское. Образовано с помощью суффикса -ънь- от *пърстъ* — палец.

«Люди, разинув рты, глядели на его парчовую шубу, — пол-Москвы можно купить за такую шубу, глядели на **самоцветные перстни** на его руке — огонь брызгал от **перстней**» [Там же. С. 27].

Самоцветный перстень — о драгоценных или полудрагоценных минералах, поделочных камнях: блестящий, с красивой окраской.

Самоцвет — собств.-русск. Образовано в результате аббревиации на базе словосочетания *самоцветный камень*.

«Карл выскочил из-под одеяла, побежал к секретеру, из потайного ящика вынул футляр, — в нем лежала **алмазная диадема**» [Там же. С. 376].

«Расстегивая на нем платье, Петр обнаружил на груди, на теле, **медальон** — величиной с детскую ладонь» [Там же. С. 508].

В древности и в средние века под *диадемой* понималась головная повязка греческих жрецов; это был знак царской власти. Сейчас *диадема* — женское головное драгоценное украшение.

Медальон — носимое на шее ювелирное изделие в форме плоского овального или круглого футляра, в который вставляется какое-нибудь изображение или вкладывается что-нибудь. Заимствовано в XVIII веке из франц. яз. *medaillon*, восходит к итал. *medaglione*. С французского буквально 'большая медаль', с увеличительным суффиксом *-он-*.

Наряду с богатыми украшениями также встречаются украшения из более простых материалов. Например: *медные перстни, ленты*.

Драгоценные камни использовались для украшения одежды и головных уборов.

Например: «На Степкиной обритой голове — **вышитая каменьями туфейка**» [Там же. С. 135].

«На голубой через грудь ленте переливались **бриллиантовые звезды**» [Там же. С. 245].

«**Вышитое золотом, покрытое жемчужной сетью, платье**, — более пуда весом, — **бармы в лалах, изумрудах и алмазах, ожерелья, золотая цепь давит плечи**» [Там же. С. 158].

Ожерелье — шейное украшение. Образовано с помощью префикса *о-* и суффикса *-ий-* от *жерело* — 'горло'.

Таким образом, социальная функция семантического поля «костюм» в романе А.Н. Толстого «Петр I» достаточно сложна. Каждый конкретный элемент поля, как правило, реализует себя в различной мере и степени. Переплетение с другими системами культуры и семантическими полями расширяет функциональное поле костюма, что порождает неповторимые действия, разворачивающиеся в пространстве культуры. Они требуют от зрителя и участника не столько знания, сколько понимания.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Толстой А.Н.* Петр Первый. — Кишинев, 1970.
- [2] *Давыдова В.В.* Костюм в пространстве культуры // Виртуальное пространство культуры. Материалы научной конференции 11—13 апреля 2000 г. — СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000.

LINGUISTIC UNITS OF THE SEMANTIC FIELD «COSTUME» IN COMMUNICATIVE SPACE OF A.N. TOLSTOY'S NOVEL «PETER THE GREAT»

N.V. Milova

Functional Linguistics Department
Shevchenko T.G. Language and Literature Institute
25 October str., 128, Tirespol, 330-MD, Pridnestrovie

The article is devoted a social function of semantically pole of costume in the novel «Peter I» by A. Tolstoy. Author describes main principles of systematization of Russian lexicon, using new and traditional points of view.